
**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕФОРМЫ 2007 г.**© 2008 г. В. Н. Григорьев¹, А. В. Победкин², В. Н. Калинин³

Действующий УПК РФ, вступивший в силу с 1 июля 2002 г., отличается крайней нестабильностью. За пять лет в УПК было внесено более 700 поправок. Очевидно, что столь частое внесение изменений в УПК существенно затрудняет работу правоприменителей, вынуждая их не просто постоянно корректировать свою деятельность в соответствии с принятыми поправками, но испытывать значительные трудности, связанные с толкованием применяемых новелл. Заметим, что вносимые изменения, поскольку они зачастую являются полной неожиданностью и для практических работников и для ученых-процессуалистов, вынуждают задним числом находить им теоретическое обоснование.

Очередные существенные поправки в УПК РФ были внесены Законом РФ от 5 июня 2007 г. “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и закон “О прокуратуре Российской Федерации”⁴ и Законом РФ от 6 июня 2007 г. “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”⁵. Объем изменений, их значимость позволяют говорить о новой организации всей досудебной части уголовного процесса, т.е. фактически о ее реформе. Преобразования коснулись, прежде всего, места и роли прокурора в досудебном судопроизводстве, соотношения прокурорского надзора и процессуального руководства предварительным следствием. Изменились нормы, определяющие процессуальные полномочия прокурора, руководителя следственного органа и следователя, правила производства следственных и процессуальных действий, порядок возбуждения уголовного дела, избрания залога как меры пресечения, производства дознания и др. Из разд. XIX ч. 6 УПК РФ, регламентирующего применение бланков процессуальных документов, в

настоящее время действует только одна часть ст. 474 УПК РФ. Полностью утратила силу гл. 57 УПК, содержащая бланки процессуальных документов, имевших ранее силу закона. Такое решение воспринимается достаточно неоднозначно, поскольку бланки процессуальных документов, являвшихся составной частью УПК РФ, и, по сути, способом графического толкования текстуальной части закона, несомненно, с одной стороны, облегчали практическую правоприменительную деятельность при составлении процессуальных актов. Однако, с другой стороны, многие бланки процессуальных документов либо не соответствовали, либо прямо противоречили нормам УПК РФ.

Концептуально суть рассматриваемых изменений в УПК РФ заключается в перераспределении процессуальных полномочий прокурора и начальника следственного подразделения в отношении следователя. Значительная часть важнейших процессуальных полномочий прокурора передана руководителю следственного органа, под которым понимается должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель (п. 38-1 ст. 5 УПК РФ). Иначе говоря, законодатель посчитал важным разделить полномочия по надзору за исполнением законов и по руководству предварительным следствием⁶. Однако сама необходимость такого разграничения, вектор его влияния на эффективность и законность предварительного расследования представляются, как минимум, дискуссионными.

И до внесения изменений, и после них распределение процессуальных полномочий в сфере следствия между следователем, прокурором и руководителем следственного органа образует сложную и гибкую систему “сдержек и противовесов”, позволяющую (при необходимости) активизировать роль любого из трех вышеуказанных участников процесса. Одновременно такая конструкция предусматривает необходимость совместного принятия ряда важнейших решений и возможность их блокирования в случае сомнений

¹ Ученый секретарь Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

² Начальник кафедры уголовного процесса Тульского филиала Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

³ Доцент кафедры уголовного процесса Тульского филиала Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2833. (Далее – УПК РФ).

⁶ См.: Халиулин А.Г. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Законность. 2007. № 9. С. 15.

в законности и обоснованности принимаемых действий и решений.

Статус начальника следственного отдела с момента появления данного субъекта в сфере уголовного судопроизводства совмещал в себе как административные (организационные), так и процессуальные полномочия по руководству предварительным следствием. Соответственно ведомственный контроль за деятельностью следователя подразделялся на организационный и процессуальный контроль. *Организационный контроль* осуществлялся начальником следственного отдела, а *процессуальный* – как прокурором, так и начальником следственного отдела. Объем имевшихся у прокурора процессуальных полномочий по отношению к следователю был несколько шире, чем у начальника следственного отдела, при этом часть процессуальных полномочий данных субъектов дублировались. На досудебных стадиях прокурор являлся руководителем уголовного преследования, как это и было определено в ранее действовавшем Приказе Генерального прокурора “Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства” от 5 июля 2002 г. По выражению А.С. Александрова, прокурор в досудебных стадиях являлся “хозяйном” уголовного преследования, обладая правом его распоряжения в публичных интересах⁷.

Следователь в отечественном уголовном судопроизводстве традиционно рассматривается как лицо процессуально самостоятельное. Вместе с тем такое определение статуса следователя в последние годы использовалось большей частью как привычный штамп. По сути, отличие процессуального положения следователя от процессуального положения дознавателя (который не считается субъектом уголовного судопроизводства, имеющим процессуальную самостоятельность) заключалось лишь в том, что следователь имел право не исполнять ряд указаний прокурора в случае представления дела вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений (ч. 3 ст. 38 УПК РФ в прежней редакции). Наличие такого права у следователя, несомненно, являлось зримым отличием его положения от положения дознавателя, который не имеет права приостанавливать исполнение полученных от прокурора или начальника органа дознания указаний. Однако соответствует ли такое отличие смыслу понятия “процессуальная самостоятельность” следователя? Вряд ли, учитывая, что значительный пласт действий и решений следователь не мог осу-

ществлять без судебного решения и (или) санкции (согласия) прокурора. При этом большая часть указаний прокурора и начальника следственного отдела также являлась для следователя, безусловно, обязательной.

Наряду с понятием “процессуальная самостоятельность” следователя в юридической литературе нередко используется понятие “процессуальной независимости” следователя. Представляется, что данные понятия можно рассматривать как тождественные, учитывая, что ни то и ни другое не соответствует реальному положению дел. Они вполне применимы к взаимоотношениям следователя с физическими, юридическими и должностными лицами, не являющимися участниками уголовного судопроизводства, но не к взаимоотношениям с начальником следственного отдела и прокурором. Следователь не мог и не может быть независим как от ведомственного руководителя (наделенного не только организационными, но и процессуальными полномочиями), так и от прокурора (пока тот сохраняет хотя бы минимальные процессуальные полномочия в отношении следователя).

Следует отметить, что изменение порядка производства процессуальных и следственных действий, расширение прав участников уголовного судопроизводства, с которыми следователь вступает в правовые отношения в ходе расследования по уголовному делу, активное участие суда на досудебных стадиях привели к значительному ограничению процессуальной самостоятельности следователя⁸.

Кроме того, представляется справедливой и кардинальная постановка вопроса: необходима ли следователю процессуальная самостоятельность и процессуальная независимость в условиях, когда законодательное требование высшего юридического образования предъявляется лишь к следователям органов прокуратуры?

В доктринальном плане внесенные в УПК РФ изменения являются отражением спора сторонников усиления независимости следствия прежде всего от прокурорского надзора и приверженцев сохранения активного прокурорского надзора за органами расследования.

С одной стороны, в юридической литературе высказывались предложения об ограничении полномочий начальника следственного отдела только лишь организационными возможностями, не ставящими его в положение процессуального руководителя следователя⁹. Данные предложе-

⁷ См.: Александров А.С. Прокурорский надзор за исполнением законов государственными органами уголовного преследования во время досудебного производства по уголовному делу // Уголовный процесс России. Учебник / Под ред. В.Т. Томина. М., 2003. С. 798.

⁸ См.: Дармаева В.Д. Полномочия следователя в уголовном судопроизводстве // Следователь. 2003. № 6. С. 15.

⁹ См.: Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М., 2000. С. 40–41.

ния основывались на невозможности эффективного сочетания процессуальных и организационных полномочий (как имеющих различную правовую природу). При таком сочетании возникает реальная опасность превалирования организационных (ведомственных) интересов над процессуальными и использования последних для решения ведомственных задач. В то же время не исключается и использование ведомственного ресурса для подавления процессуальной позиции следователя. Кроме того, процессуальные полномочия начальника следственного отдела в ряде случаев полностью дублировали полномочия прокурора. В случае реализации этих предложений прокурор стал бы единственным процессуальным руководителем следователя и, хотя снижение процессуальной активности начальника следственного отдела само по себе не повлекло бы усиление процессуальных позиций прокурора, однако существенно повлияло бы на укрепление самостоятельности и независимости следователя.

С другой стороны, при отсутствии необходимой уверенности в должном уровне компетентности следственного аппарата иных, кроме прокуратуры, структур, процессуального руководства только лишь прокурора, который, как правило, организационно и территориально от них обособлен, может оказаться недостаточно.

Усиление процессуальной независимости следователя от прокурора осуществилось бы и в результате реализации предложения о проведении организационных изменений в виде создания единого надведомственного следственного органа, с чем по-прежнему связаны ожидания повышения эффективности производства предварительного расследования и снижения уровня коррупции в правоохранительных органах. С позицией о необходимости усилить процессуальную независимость следователя от прокурора совпадали взгляды о том, что прокурор (как представитель стороны обвинения) не должен одновременно совмещать процессуальные функции надзора и уголовного преследования.

Действительно ли нормативно определенные возможности прокурора вмешиваться в ход предварительного следствия (посредством дачи следователю обязательных для исполнения указаний, отмены постановлений следователя, согласования постановлений о возбуждении перед судом ходатайств о производстве процессуальных действий, личного производства отдельных процессуальных действий или расследования в целом и т.д.) не позволяли ему эффективно осуществлять надзор, выявлять нарушения и добиваться их устранения? Решение этого вопроса неотделимо от дискуссий относительно функций прокуратуры в современной России. Не секрет, что в последние десятилетия прослеживаются системати-

ческие и систематизированные попытки реформировать отечественную прокуратуру, для которой исторически обусловленная функция надзора за законностью на протяжении всей истории ее существования (за исключением относительно недолгого периода после судебной реформы 1864 г.) являлась превалирующей, однако не единственной. В юридической литературе высказывалось мнение, что прокуратура либо должна быть универсальным органом надзора за законностью деятельности всех (кроме высших) органов государственной власти управления федерации и ее субъектов, либо должна осуществлять только функцию уголовного преследования, исключив из своей компетенции функцию надзора за законностью в широком ее понимании¹⁰. Эксперты Совета Европы также требовали от России провести реформу прокуратуры, поскольку последняя обладает полномочиями, которые в большинстве государств-членов Совета Европы переданы другим органам (административным судам, омбудсменам или судьям). Эти эксперты считают невозможным одновременно осуществлять функцию обвинения, защищать интересы государства и конкретного человека¹¹. В ходе дискуссии о месте и роли прокурора в уголовном судопроизводстве предлагалось лишить прокуратуру надзорной функции, оставив за прокурорами лишь обязанность поддержания государственного обвинения в суде. В Концепции судебной реформы, принятой Верховным Советом РСФСР, в качестве одной из основных задач рассматривалось реформирование прокуратуры, в связи с чем ее основной функцией должно было стать уголовное преследование, усиленное за счет отказа от надзора за исполнением законов ("общего надзора"). Кроме того, продолжает пользоваться популярностью идея отнесения следствия к судебной деятельности по типу организации предварительного следствия в дореволюционной России по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и, подобно тому, как это существует в настоящее время во Франции. По мнению сторонников данного подхода, такой путь позволяет в большей степени обеспечивать реализацию принципа состязательности в рамках следственной деятельности между органами, осуществляющими уголовное преследование (прокурором) и обвиняемым (его защитником). Следователь же, как орган, не имеющий процессуального интереса в этом споре, сможет объективно, всесторонне и полно исследовать обстоятельства совершенного преступ-

¹⁰ Маршунов М.Н. Комментарий к Закону "О прокуратуре Российской Федерации". Научно-практические рекомендации. М., 1998. С. 5.

¹¹ См.: Соблюдение обязательств Российской Федерации. Инф. Доклад Комитета по соблюдению обязательств государств-членов Совета Европы // Росс. бюллетень по правам человека. 1998. № 10. С. 30.

ления, выполняя свое судебское предназначение¹².

По нашему мнению, какой-то коллизии в деятельности прокурора при совмещении надзорной функции и уголовного преследования не возникало.

Прокурорский надзор – не просто основная функция прокуратуры, но и системообразующая. Все иные направления деятельности прокуратуры обусловлены существованием прокурорского надзора и обеспечивают его эффективность. Прокурорский надзор выступает как первичная функция, на основе которой прокурором принимаются решения, а в досудебных стадиях уголовного судопроизводства надзор реализовывался посредством процессуального руководства расследованием. Тем самым обеспечивалась связь надзора и уголовного преследования. Уникальность российской прокуратуры традиционно заключалась в том, что процессуальные полномочия прокурора являлись и надзорными и выступали в качестве формы руководства расследованием, организации уголовного преследования.

Следует согласиться с авторами, которые полагают, что понятие “надзор”, а тем более “прокурорский надзор” не исчерпывается наблюдением за исполнением нормативных предписаний, в связи с чем надзор за исполнением законов не конкурирует с процессуальным руководством расследованием. Надзор прокурора подразумевает более активную форму деятельности, по сравнению с наблюдением, и предполагает использование предоставленных прокурору правовых средств реагирования по предупреждению правонарушений, их пресечению, принятию мер по привлечению виновных лиц к ответственности, восстановлению нарушенных прав и т.д. Поэтому отказ в советский период функционирования прокуратуры от понятия “наблюдение” (употреблявшегося в ряде законодательных актов о прокурорском надзоре в 20-х годах прошлого века) был не случайным. Вместо этого понятия в правовой оборот было последовательно введено понятие “надзора” за исполнением законов¹³. В самом деле, в ходе предварительного расследования прокурор не только наблюдает за законностью деятельности следователей и дознавателей, но и активно руководит расследованием. Прокурорский надзор за законностью досудебной деятельности реализуется через процессуальное руководство таковым. Иначе говоря, процессуальное руководство расследованием – это метод реализации над-

зорных полномочий¹⁴. Да и вряд ли что-либо негативное можно усмотреть в том, что прокурор, выявив нарушение закона в деятельности следователя, имел возможность самостоятельно, быстро, эффективно устранить нарушение.

На настоящий момент, однако, одержала верх точка зрения сторонников создания относительно независимых от прокурора следственных органов. Внесенными в УПК РФ изменениями процессуальные полномочия прокурора были перераспределены в пользу руководителя следственного органа. В отношении следствия у прокурора теперь остаются полномочия, связанные с выявлением нарушений закона и правом требовать их устранения, а в отношении производства дознания – все имевшиеся ранее надзорные полномочия, за некоторым исключением, и связанная с ними возможность по-прежнему осуществлять руководство дознанием и уголовным преследованием. Важно то, что во всех формах предварительного расследования прокурор утратил возможность самостоятельно и лично осуществлять ряд процессуальных действий, связанных с уголовным преследованием (возбуждать уголовное дело, принимать его к производству и производить расследование, лично производить следственные и процессуальные действия, задерживать, избирать меры пресечения и т.д.)¹⁵.

Прокурор теперь не вправе давать следователю письменные указания о направлении расследования и производстве следственных и процессуальных действий, это полномочие руководителя следственного органа. Продление срока следствия будет осуществляться не прокурором, а руководителем соответствующего следственного органа (ст. 162 УПК РФ). Прокурор не выносит постановление о признании за лицом права на реабилитацию (ст. 134 УПК РФ), хотя по-прежнему приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред (ст. 136 УПК РФ). Согласие на возбуждение перед судом хода-

¹⁴ См.: Ильинский Д.О. Прокуратура Российской Федерации в механизме реализации общеправового принципа законности. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 121; о том же см.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 133.

¹⁵ Оставшееся в ч. 1 ст. 37 УПК указание на полномочия прокурора осуществлять от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, надо понимать так, что уголовное преследование реализуется прокурором не только в судебных стадиях, ибо уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая в целях избличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Прокурор же не лишен права осуществления такой деятельности ни при производстве дознания ни, хотя и в меньшей степени, при производстве предварительного следствия (например, возвращая дело следователю для дополнительного расследования со своими письменными указаниями).

¹² См.: Манова Н.С. Предварительное следствие: идеи и новые законодательные реалии // Гос. и право. 2003. № 2. С. 61.

¹³ См.: Басков В.И., Коробейников Б.В. Курс прокурорского надзора. М., 2000. С. 60.

тайства о производстве процессуальных действий следователю дает не прокурор, а руководитель следственного органа (при этом в судебном заседании участвует не руководитель следственного органа, а прокурор). Руководитель следственного органа вправе отменять любые постановления следователя (прокурор – лишь постановление о возбуждении уголовного дела).

При производстве предварительного расследования в форме предварительного следствия отныне доминирующей оказывается функция ведомственного процессуального контроля, а ключевое значение приобретает фигура руководителя следственного органа. Столь радикальные процессуальные изменения в уголовно-процессуальном законе одновременно связаны с организационным реформированием следственного аппарата, отраженным внесением поправок и в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”¹⁶.

Этим был сделан серьезный шаг, направленный на обособление следственного аппарата прокуратуры от самих прокуроров. Вместе с тем от реформы ожидали несколько иного, а именно создания единого вневедомственного следственного органа, в равной мере независимого и от органов прокуратуры и от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и от дознания.

После внесения указанных изменений следствие в органах прокуратуры сохраняется (без изменения подследственности), но сосредоточивается в системе Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, состоящей из Главного следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, следственных управлений Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации по субъектам Российской Федерации и приравненных к ним военных и иных специализированных следственных управлений, а также следственных отделов по районам и городам и приравненных к ним военных и иных специализированных следственных отделов. Возглавляет систему Следственного комитета при Прокуратуре России Председатель Следственного комитета, являющийся одновременно Первым заместителем Генерального прокурора. Поскольку он назначается на должность и освобождается от нее так же, как и сам Генеральный прокурор – Советом Федерации по представлению Президента

РФ, – он фактически имеет равную с Генеральным прокурором РФ легитимность.

Кроме того, положение о Следственном комитете при Прокуратуре РФ утверждается Указом Президента РФ¹⁷. Подчиненность руководителей следственных органов Следственного комитета при прокуратуре осуществляется по вертикали, иначе говоря, руководитель следственного органа не находится в положении служебного подчинения соответствующему прокурору (за исключением Председателя Следственного комитета при прокуратуре). Такое решение вопроса в целом не вызывает возражений. Однако совершенно противоположная ситуация в следственных подразделениях органов внутренних дел, наркоконтроля и федеральной службы безопасности. В них руководители территориальных органов выступают в качестве непосредственных начальников руководителей следственных подразделений. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, когда следователи находятся в служебном подчинении начальника органа дознания, которому они же направляют обязательные для исполнения поручения в порядке п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Вряд ли усиление процессуальной независимости следователя от прокурора (при сохранении его подчиненности в отношении начальника органа дознания) даст какой-либо положительный эффект.

Законодателю не достало решимости создать в России единый следственный аппарат, дискуссия о необходимости которого началась еще в 1957 г., в преддверии создания следственного аппарата в органах внутренних дел. В этой связи М.С. Строгович, отстаивая сохранение следствия только лишь в органах прокуратуры, указывал на недопустимость ситуации, когда милиция одновременно действует не только как орган дознания, но и как орган предварительного следствия¹⁸.

Вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР “О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка”¹⁹ от 6 апреля 1963 г. был создан следственный аппарат в органах внутренних дел, на который легла обязанность расследования большинства преступлений.

¹⁷ См.: Указ Президента РФ “Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации” от 1 августа 2007 г. и Положение о Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации, утвержденное данным Указом.

¹⁸ См.: *Строгович М.С.* О дознании и предварительном следствии и о “едином следственном аппарате” // *Соц. законность.* 1957. № 5. С. 20–21.

¹⁹ “О предоставлении права производства предварительного следствия органам общественного порядка”. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. // *Ведомости Верховного Совета СССР.* 1963. № 16. Ст. 181.

¹⁶ В научной литературе и ранее указывалось, что создание самостоятельного следственного органа потребует ряда изменений: упразднение института подследственности, который будет заменен “линейностью”; изменение законодательства, закрепляющего структуру органов прокуратуры, особое значение приобретет должность начальника следственного отдела и т.п. (см.: *Крылов А.В.* К вопросу о создании единого органа по расследованию преступлений // *Росс. следователь.* 2002. № 9. С. 26–30).

Наличие двух независимых друг от друга следственных аппаратов не положило конец дискуссиям о необходимости монопольного осуществления предварительного следствия. Указывалось, что совмещение в органах прокуратуры прокурорского надзора и следствия противоречит независимости прокурорского надзора за следствием, поскольку прокуратура может его осуществлять лишь при условии, если следственный аппарат не будет являться частью аппарата самой прокуратуры и прокурор не будет себя чувствовать ответственным за каждый шаг следователя, работой которого он руководит²⁰.

В дальнейшем учеными предлагались различные варианты реорганизации системы следственных органов. Предусматривалось включение следственного аппарата в Министерство юстиции (за исключением следователей органов госбезопасности), что обеспечивало бы более тесную связь органов предварительного следствия с органами правосудия и способствовало бы усилению судебного контроля за предварительным следствием²¹. Кроме того, предлагалось создание независимой системы следственных органов, подчиненных Следственному комитету при Совете Министров СССР и соответствующим комитетам при Советах Министров союзных республик²².

В новейшей истории России вопрос о создании единого ведомства, осуществляющего расследование, разрабатывался такими учеными-процессуалистами, как С.Е. Вицин, А.М. Ларин, П.А. Лупинская, А.В. Крылов, Н.С. Манова, И.Б. Михайловская, Ю.И. Стецовский, И.Л. Петрухин, В.Т. Томин и др.

Очевидно, что создание единого следственного органа в современной России является лишь вопросом времени²³.

По действующему УПК РФ следователь поставлен под тройной процессуальный надзор и контроль: руководителя следственного органа (ведомственный процессуальный контроль), прокурора (процессуальный надзор) и суда (судебный контроль). Объективная потребность в функции надзора за расследованием обусловила закрепление в УПК РФ нормы, согласно которой проку-

рор уполномочен осуществлять от имени государства надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Реализация прокурором надзорной функции означает обязанность своевременного принятия во всех стадиях уголовного процесса предусмотренных законом мер к устранению любых нарушений закона, от кого бы они ни исходили.

После внесения изменений в УПК РФ прокурор в досудебных стадиях по-прежнему сохраняет ряд важных прав, касающихся деятельности следователя (ч. 2 ст. 37), в числе которых следует выделить полномочия: проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37); выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37); требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37); рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение (п. 7 ч. 2 ст. 37); изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 11 ч. 2 ст. 37)²⁴; передавать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ; изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его следователю Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 12 ч. 2 ст. 37); утверждать обвинительное заключение или обвинительный акт по уголовному делу (п. 14 ч. 2 ст. 37); возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения

²⁰ См.: Барсуков М.В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции // Сов. гос. и право. 1957. № 2. С. 43.

²¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 229–230; Т. 2. С. 79.

²² Стремовский В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов-н/Д., 1966. С. 64.

²³ См., например: Крылов А.В. К вопросу о создании единого органа по расследованию преступлений // Росс. следователь. 2002. № 9. С. 26–30; Александров А.С. Нужно ли создавать Федеральную службу расследований // Законность. 2002. № 8. С. 37–39.

²⁴ По логике внесенных изменений взаимодействие прокурора и следователя должно осуществляться не напрямую, а через руководителя следственного органа. Поэтому п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по нашему мнению, следует изложить в следующей редакции: “изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его руководителю следственного органа с обязательным указанием оснований такой передачи”.

или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37); осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору УПК РФ (п. 16 ч. 2 ст. 37). В числе последних следует отметить право прокурора отменять вынесенное постановление о возбуждении уголовного дела, в случае признания его прокурором незаконным или необоснованным (ч. 4 ст. 146 УПК РФ)²⁵. В то же время, в случае признания незаконными или необоснованными других постановлений следователя, прокурор не может теперь отменять их своим постановлением, а вынужден обращаться с требованием об устранении нарушений закона к следователю.

Следует отметить, что законодательная регламентация процессуального порядка прокурорского надзора за решением о возбуждении уголовного дела, содержащаяся в вышеуказанной норме, по-прежнему оставляет желать лучшего, поскольку допускает неоднозначное толкование (относится ли оно лишь к постановлениям, вынесенным должностными лицами, согласно ч. 3 ст. 40 УПК РФ либо к любым постановлениям о возбуждении уголовного дела)²⁶. Чтобы придать праву прокурора отменять вынесенное следователем или дознавателем постановление о возбуждении уголовного дела абсолютный и самостоятельный характер, его следовало бы изложить в отдельной части ст. 146 УПК РФ. Кроме того, в силу важности данного права его никак нельзя отнести к числу «иных полномочий», а следует закрепить в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, где оно в перечне полномочий прокурора, которыми он обладает на стадиях досудебного производства, в настоящее время отсутствует.

Существенным недостатком УПК РФ, в значительной мере снижающим процессуальную само-

стоятельность следователя, был изменившийся, по сравнению с УПК РСФСР, порядок возбуждения уголовного дела, когда для возбуждения уголовного дела следователем (дознавателем) требовалось согласование соответствующего постановления с прокурором. Подобное изменение механизма возбуждения уголовного дела было обосновано перераспределением функций прокуратуры по УПК РФ. Прокуроры, утратив возможность санкционирования меры пресечения в виде заключения под стражу, производства ряда следственных и иных процессуальных действий, с тем, чтобы сбалансировать утерю переданных суду полномочий, добились права давать согласие на возбуждение уголовного дела.

Такая конструкция, однако, затрудняла деятельность следователя, когда он должен был разрываться между необходимостью работы на месте происшествия и получением согласия прокурора на возбуждение уголовного дела. Вместо собирания в первую очередь доказательств путем производства неотложных следственных действий, следователю вначале приходилось собирать материал для того, чтобы прокурор мог дать согласие на возбуждение уголовного дела, а затем уже возвращаться на место происшествия и производить следственные действия. Прокуроры на местах не всегда имели возможность незамедлительно прибывать на место происшествия, с тем, чтобы решить вопрос о даче согласия на возбуждение уголовного дела. Промедление следователя с допросом ряда лиц, например, очевидцев, заподозренных в преступлении, пострадавших от преступления против жизни и здоровья, зачастую влекло за собой утрату доказательств²⁷. Как показала практика, подобный усложненный порядок возбуждения уголовного дела, усиливая прокурорский надзор за законностью и обоснованностью возбуждения уголовных дел, вместе с тем значительно снижал возможности следователя по собиранию доказательств, установлению лиц, совершивших преступления и их немедленному задержанию²⁸. Фактически признавая невозможность в ряде случаев оперативного решения вопроса о даче согласия на возбуждение уголовного дела Генеральный прокурор РФ (Приказ «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства» от 5 июля 2002 г. отменен) предписывал прокурорам в случае решения о согласии на возбуждение уголовного дела, но невоз-

²⁵ При этом остается не ясным, каким образом прокурор сможет проверять законность и обоснованность таких постановлений, поскольку ему направляется лишь их копия (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), а о праве прокурора истребовать материалы проверки сообщения о преступлении в УПК не упоминается. Компенсируя данный недостаток УПК, Генеральный прокурор в приказе «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» от 6 сентября 2007 г. предписывает прокурорам незамедлительно требовать от следственного органа представления материалов, подтверждающих обоснованность принятого решения, в тех случаях, когда, исходя из текста копии постановления, невозможно сделать однозначный вывод о законности возбуждения уголовного дела.

²⁶ Тем не менее, право отмены всех без каких-либо ограничений постановлений о возбуждении уголовного дела подтверждено Приказом Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», где предусмотрено, что признав решение следователя незаконным или необоснованным, в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, подтверждающих обоснованность принятого решения о возбуждении уголовного дела, прокурор выносит мотивированное постановление.

²⁷ См.: Дармаева В.Д. Указ. соч. С. 16.

²⁸ Как отмечает в этой связи И.Л. Петрухин, на практике во многих случаях дознавателями и следователями не принимались решения о возбуждении уголовных дел при наличии признаков преступления, из-за опасения, что прокурор не согласится с их ходатайством о возбуждении уголовного дела (см.: Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. II. М., 2005. С. 29).

возможности оперативного возвращения следователю или дознавателю материалов дела для производства расследования уведомлять их о принятом решении по телефону, телеграфу, телетайпу, средствами факсимильной связи или электронной почтой. Представляется, что такие предписания плохо согласовывались с требованиями процессуальной формы.

Следует отметить, что некоторыми специалистами положения УПК РФ, требующие согласие прокурора на возбуждение уголовного дела, оценивались положительно, поскольку такой порядок стал реальным механизмом пресечения практики возбуждения “заказных” уголовных дел²⁹. В таком подходе есть резон. Однако отсутствуют объективные данные, свидетельствующие о том, что практика возбуждения “заказных” уголовных дел приобрела характер опасной тенденции. Кроме того, прокурор имел реальную возможность отмены постановления о возбуждении уголовного дела или прекращении дела.

Возвращение к механизму возбуждения уголовного дела, ранее существовавшему в УПК РСФСР, снимает острый и дискуссионный вопрос о возможности проведения таких действий как освидетельствование и назначение судебной экспертизы, которые были обозначены в скобках в ч. 4 ст. 146 УПК РФ. Теперь следователь, как это вытекает из ч. 2 ст. 176 УПК РФ, в случаях, не терпящих отлагательства, может до возбуждения уголовного дела произвести только осмотр места происшествия, но, приняв на месте решение о возбуждении уголовного дела, вправе провести любое следственное действие, которое он признает необходимым.

С внесенными изменениями в УПК РФ связан вопрос о средствах прокурорского надзора за предварительным следствием. Прежде всего, каким образом прокурор, после лишения его полномочий, непосредственно связанных с руководством предварительным следствием, сможет выявлять допущенные в ходе предварительного следствия нарушения закона. Важным источником информации о ходе следствия являются направленные прокурору следователем копии важнейших постановлений. Кроме того, прокурор сохранил за собой целый ряд других прав, касающихся реализации надзорной функции. Так, в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, позволяющей в исключительных случаях производить указанные процессуальные действия без предварительного судебного разрешения, по-прежнему предусмотрено, что следователь в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия обязан уведомить об этом именно прокурора (не руководи-

теля следственного органа). К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве.

Законодатель умалчивает о возможной реакции прокурора на установленную незаконность действий следователя. В частности возникает вопрос: вправе ли прокурор предупредить необходимость судебного заседания по вопросу о законности произведенного действия, лично признав произведенное действие незаконным. Представляется, что такая возможность у прокурора имеется. Так, в ст. 88 УПК РФ прокурор остался субъектом, имеющим право признавать доказательство недопустимым. Поскольку оговорки, что данное право прокурора распространяется лишь на доказательства, полученные дознавателем, УПК РФ не содержит, может быть сделан вывод о том, что оно распространяется и на доказательства, полученные следователем. Другим важным способом выявления допущенных нарушений в ходе следствия является деятельность прокурора по рассмотрению жалоб.

Согласно изменениям, внесенным в гл. 15 УПК РФ, ходатайство теперь должно быть заявлено только дознавателю, следователю либо в суд (но не прокурору). Соответственно, прокурор потерял право разрешения ходатайств (ст. 122 УПК РФ).

Согласно новой редакции ст. 124 УПК РФ жалоба, поданная в несудебном порядке, рассматривается как прокурором, так и руководителем следственного органа. Возникает вопрос: должен ли прокурор принимать жалобы от участников следствия и иных заинтересованных лиц, или обязан направлять их руководителю следственного органа для рассмотрения и разрешения? На наш взгляд, правильным является первый подход, поскольку право личности на обжалование действий и решений следователя имеет не только уголовно-процессуальную, но и конституционную основу (ст. 46 Конституции РФ). Более того, действующий УПК РФ основан на идее усиления защиты прав участников уголовного процесса, что отражено в его назначении (ст. 6) и в конкретных нормах Кодекса, ориентирующих на защиту прав и законных интересов личности. Раньше потерпевший, равно как и обвиняемый (подозреваемый) или другие участники процесса, в случае реальных либо мнимых нарушений своих прав видели способ их защиты в независимом прокурорском надзоре. Результатом проводимых прокурором проверок действий следователя неоднократно становились возбужденные уголовные дела уже в отношении следователя. Поэтому куда теперь обращаться с жалобой обвиняемому (подозреваемому), потерпевшему и другим участникам уго-

²⁹ См., например: *Коротков А.* Новый порядок возбуждения уголовного дела // *Уголовный процесс*. 2004. № 2. С. 99.

ловного судопроизводства на незаконные действия следователя, этот вопрос является отнюдь не праздным. Рассмотрение прокурором жалоб на действия следователя надо рассматривать в качестве еще одного способа выявления нарушений закона. Вместе с тем, право прокурора истребовать для изучения уголовные дела в ч. 2 ст. 37 УПК РФ не предусмотрено. Право предлагать руководителям следственных органов представлять уголовные дела для изучения содержится в Приказе Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. Однако такое право, равно как и обязанность следователей представлять прокурору уголовные дела для изучения с целью проверки законности действий следователя необходимо закрепить законодательно.

Прокурорский надзор за законностью предварительного следствия не означает, что прокурор безразличен к необходимости объективного, полного и всестороннего расследования. В частности, реализация прокурором права возвращения уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями может быть обусловлена именно неполнотой, необъективностью, односторонностью расследования. Задачи обеспечить всесторонность, полноту и объективность расследования перед руководителем следственного органа в УПК РФ не ставятся. Кроме того, руководитель следственного органа, так же, как и следователь, ориентирован на внешние показатели работы, желание улучшить которые, как показывает практика, зачастую сопряжено с нарушениями закона. Такое положение может спровоцировать обвинительный уклон при производстве следствия.

Незавершенность внесенных в УПК РФ изменений порождает и другие вопросы. Так, в ч. 3 ст. 39 УПК РФ закреплено, что указания руководителя следственного органа по уголовному делу обязательны для исполнения следователем. Указания руководителя следственного органа, за исключением указаний, предусмотренных ч. 4 ст. 39 УПК РФ, могут быть обжалованы им руководителю вышестоящего следственного органа. Но при этом ни в ч. 3 ст. 39 УПК РФ, ни в других частях этой же статьи ничего не предусмотрено о возможных в этой ситуации решениях руководителя вышестоящего следственного органа.

По нашему мнению, следовало бы предусмотреть в ст. 220 УПК РФ необходимость при окончании предварительного следствия и составлении обвинительного заключения направление его вначале руководителю следственного органа для получения согласия, а в случае дачи им такого со-

гласия – направление обвинительного заключения для утверждения прокурору. Для этого в примерных образцах обвинительного заключения следует установить две резолюции “Согласен” – для руководителя следственного органа и над ним – “Утверждаю” – для прокурора. Это в большей степени соответствует духу и логике внесенных в УПК РФ изменений: ведомственный контроль в таком случае будет выглядеть более последовательным и завершенным, а ответственность будет распределяться между утверждающим прокурором и дающим согласие руководителем следственного органа³⁰. Кроме того, такой порядок позволял бы ответить на вопрос о том, в какой момент руководитель следственного органа имеет возможность реализовать предусмотренное п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ полномочие возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования.

Анализ внесенных в УПК РФ изменений позволяет предположить, что на практике они не достигнут своей цели – освободить следователя от процессуального руководства прокурора. Право прокурора вернуть уголовное дело для производства дополнительного следствия, делает маловероятными ситуации несогласия следователя и руководителя следственного органа с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, предъявляемыми в ходе предварительного следствия. В этой связи показательно требование начальника Следственного комитета при МВД России продолжать деловое взаимодействие с органами прокуратуры, исключить факты конфронтации с ними (Указание СК при МВД России “Об усилении процессуального и ведомственного контроля” от 23 августа 2007 г.). Таким образом, резко усилив процессуальные полномочия административного начальника следователя – руководителя следственного органа, законодатель оставил и прокурорам рычаги, позволяющие эффективно влиять на ход предварительного следствия.

Рассматривая изменения, коснувшиеся производства дознания, следует отметить, что, *во-первых*, в УПК РФ введена новая процессуальная фигура – начальник подразделения дознания (ст. 40-1), существование которого до этого уголовно-процессуальный закон игнорировал. Однако процессуальная регламентация полномочий начальника подразделения дознания требует введения в УПК РФ отдельной статьи (40-2), которая бы соответ-

³⁰ Следует отметить, что и во время действия УПК РСФСР, практика шла таким образом, что начальники следственных подразделений визируют составленное обвинительное заключение, делая на нем отметку “согласен”, что служило ориентиром для прокурора, хотя в УПК РСФСР не было необходимости получения согласия начальника следственного отдела также не предусматривалась.

ственно определяла процессуальные полномочия начальника органа дознания в отношении начальника подразделения дознания и дознавателя. С одной стороны, указания начальника органа дознания обязательны для дознавателя (ч. 4 ст. 41 УПК РФ), он вправе рассматривать его жалобы на указания начальника подразделения дознания (ч. 4 ст. 40-1 УПК РФ). С другой, – в УПК РФ нет ответа на вопрос о том, вправе ли начальник органа дознания реализовывать полномочия начальника подразделения дознания, в частности, отменять постановления дознавателя.

Во-вторых, учтено предложение об увеличении срока дознания до 30 суток со дня возбуждения уголовного дела с возможностью продления этого срока прокурором до 30 суток (ч. 3 и 4 ст. 223 УПК РФ), а затем и до 6 месяцев. При этом предельный срок дознания составляет 12 месяцев (в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи).

В-третьих, важно то, что уголовные дела, по которым требуется проведение предварительного расследования в форме дознания, возбуждаются теперь не только в отношении конкретных лиц, но и по факту совершения преступления (ч. 2 ст. 223 УПК РФ).

Таким образом, процессуальный порядок производства дознания во многом приблизился к порядку, существовавшему в период действия УПК РСФСР 1960 г.

С изменением порядка возбуждения уголовного дела дознавателем предусмотрено в ч. 1 ст. 46 УПК РФ и четвертое основание возникновения статуса подозреваемого. Теперь им является лицо, которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223-1 УПК РФ (п. 4 ч. 1 ст. 46). В случае появления лица, подозреваемого в совершении преступления, уже после того, как уголовное дело было возбуждено по факту совершения преступления, возникает вопрос о придании ему адекватного статуса. Подвергающееся уголовному преследованию лицо зачастую само заинтересовано в скорейшем наделении его статусом подозреваемого с тем, чтобы получить право на защиту, включая дачу показаний.

В случае, когда уголовное дело возбуждено по факту и нет оснований для задержания лица, придание ему статуса подозреваемого путем применения меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ – выглядит архаично. Во-первых, не всегда имеются основания и условия для избрания в отношении лица меры пресечения. Во-вторых, избрание меры пресечения связано с ограничением конституционных прав личности, что потенциально приводит к возникновению права на возмещение вреда, причиненного необоснованным применением меры пресечения. К тому же, как справедливо от-

мечалось в юридической литературе, УПК РФ в части придания лицу процессуального статуса подозреваемого путем применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения (ст. 100 УПК РФ), основан на противоречии. Мера пресечения должна избираться в отношении лица, уже имеющего статус подозреваемого, а не к лицу, приобретающему такой статус в результате избрания меры пресечения³¹.

В этой связи положительным является решение проблемы привлечения лица в качестве подозреваемого без применения мер процессуального принуждения. Однако следует обратить внимание на то, что в формулировке ч. 1 ст. 223-1 УПК РФ использована конструкция “достаточные данные” (“В случае, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления и в ходе дознания получены достаточные данные...”), а не “достаточные доказательства”, как это предусматривается в ч. 1 ст. 171 УПК РФ, определяющей основания привлечения лица в качестве обвиняемого. Неопределенность конструкции “достаточные данные” позволяет более широко трактовать основания вынесения уведомления о подозрении в совершении преступления, понимая под ними, в том числе, сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности.

Очевидно, что смысловая нагрузка “достаточных данных” в целом совпадает с пониманием “иных данных”, являющихся, согласно ч. 2 ст. 91 УПК РФ, основаниями для подозрения и возможного задержания лица, поскольку и “достаточные данные”, и “иные данные” в равной мере приводят к возникновению процессуального статуса подозреваемого. И в том, и в другом случае понятие “данные” следует связывать с подозрением, особенностью которого является неполный характер знания относительно вины лица в совершенном преступлении и других обстоятельств, подлежащих доказыванию. Однако эти знания также могут основываться лишь на доказательствах, т.е. сведениях о фактах, имеющих установленную в УПК РФ форму. Представляется, что любые процессуальные решения могут приниматься только на основе доказательств и использование законодателем термина “данные” не должно вводить в заблуждение. Поэтому вызывает возражение мнение о том, что обстоятельства, которые требуют лишь предположительного наступления, не могут иметь в основе своей достаточные доказательства. В связи с чем, утверждается, что обстоятельства процессуального характера базируются на достаточных данных, т.е. сведениях, полученных в иной, чем доказатель-

³¹ См.: Овсянников И.В. Можно ли наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого путем применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения? // Закон и право. 2004. № 3. С. 42–45.

ства, форме³². Для установления обстоятельств процессуального характера (для избрания меры пресечения, производства следственных действий, задержания и др.) необходимо достоверное знание также, как и для принятия решений материально-правового характера. Однако некоторые обстоятельства процессуального характера предполагают наличие достоверного знания о *существовании* возможности или опасности наступления каких-либо обстоятельств³³. Применительно к задержанию, как верно отмечает В.И. Зажицкий, официальный характер подозрения не следует смешивать с доказанностью виновности лица в совершении преступления³⁴.

Кроме того, такая же необходимость юридического признания лица подозреваемым путем вынесения уведомления (или постановления) имеется и в ходе предварительного следствия, на что указывалось в юридической литературе³⁵. Например, часто встречаются ситуации, когда уголовное дело возбуждается следователем по факту. Последующее расследование показывает, что имеются доказательства возможной причастности конкретного лица к совершению преступления. Такое подозрение не всегда может быть реализовано в процессуальной форме (в случаях, когда заподозренное лицо скрылось, отсутствует по месту регистрации и т.д.). В подобной ситуации формально не имеется оснований для приостановления предварительного следствия по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (подозреваемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам). Соответственно, исходя из ст. 209 и 210 УПК РФ, такое лицо нельзя объявить в розыск как подозреваемого. Возможность придания лицу в ходе не только дознания, но и предварительного следствия статуса подозреваемого путем вынесения постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого (уведомления о подозрении в совершении преступления), позволяет разрешать подобные ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод, что кардинальное значение изменений, внесенных в УПК РФ, видится в разрыве со сложившимся традиционным пониманием прокурора в российском уголовном процессе как основной фигуры на предварительном следствии, попытке отделения следствия пока еще не от прокуратуры, но от прокурора. После вступления в силу изменений (7 сентября 2007 г.) прокуроры оказались «погружены» в расследование уголовных дел только небольшой и частично средней тяжести, относящихся к компетенции органов дознания (ст. 150 УПК РФ). Большинство дел средней тяжести, а также все тяжкие и особо тяжкие преступления, относящиеся к компетенции следователя, согласно распределению составов преступлений по формам расследования (ст. 151 УПК РФ), предполагается расследовать без активного прокурорского вмешательства. Наиболее ярко прокурорский надзор за предварительным следствием проявляется теперь на стадии возбуждения уголовного дела и на этапе окончания предварительного следствия. Весьма существенно то, что прокурору по-прежнему направляется уголовное дело вместе с обвинительным заключением для рассмотрения и принятия решения. Более того, утрату ряда процессуальных полномочий Генеральный прокурор РФ компенсировал их формулировкой в подзаконных нормативных актах (прежде всего, в Приказе от 6 сентября 2007 г.) как путем расширительного толкования норм УПК РФ, так и путем выведения таких формулировок непосредственно из принципов уголовного процесса.

³² См.: Костенко Р.В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М., 2006. С. 159.

³³ Пленум Верховного Суда РФ в этой связи отмечает, что к ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следует прилагать имеющиеся в деле доказательства, подтверждающие наличие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу (см.: п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 5 марта 2004 г. // Росс. газ. 2004. 25 марта).

³⁴ См.: Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2006. С. 279.

³⁵ См.: Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Правоведение. 2005. № 2. С. 95; Овсянников В.С., Овсянников И.В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица: проблемы и пути их решения // Закон. 2005. № 2. С. 106.